

Елена Пьерр

Ватиканские апокрифы: 13 историй из тишины

18+

Елена Пьерр

**Ватиканские апокрифы:
13 историй из тишины**

«Автор»

2026

Пьерр Е.

Ватиканские апокрифы: 13 историй из тишины / Е. Пьерр —
«Автор», 2026

«Ватиканские апокрифы: 13 историй из тишины» — сборник короткой мистической прозы, где правда спрятана в колодцах, подвалах, библиотеках и даже нейросетях. Тринадцать новелл о тишине, в которой камни помнят больше, чем люди. !! Данное произведение является художественным вымыслом и исследует только институциональные и мифологические аспекты.

© Пьерр Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие от зрителя	5
Колодез Сан-Дамазо	7
Тишина перед Credo	8
Зритель костей великанов	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ватиканские апокрифы: 13 историй из тишины

Предисловие от зрителя

В подвале Ватикана темно, когда не горит лампочка. А когда горит — ещё темнее. Потому что видишь пыль на собственных ботинках.

Меня не представляют гостям. Я тот, кто отпирает двери, которые не должны открываться, и запирает те, что открылись сами. За сорок лет я услышал сотни тайн. Они пахнут плесенью, старым вином и детскими слезами, которые кардиналы вытирали рукавами сутан, пока никто не видел.

Эти истории — не мои. Я просто записывал то, что шептали кости, фрески, пыльца на куполах и один очень настойчивый голубь. Я не проверял правду, потому что у правды здесь другой адрес. Она живёт в трещинах купола, в вентиляции серверной, в пустоте между нотой «фа» и « соль » в старом органе.

Если вы читаете эту книгу, значит, меня уже нет в оссуарии. Или я просто задремал в своём углу, а вы меня не заметили. Не важно. Важно то, что вы открыли её не в Ватикане — а это уже маленькое чудо. Первое из тринадцати. Остальные — внутри.

Зритель.

Рим, подвал базилики Сан-Пьетро.

Ночь без лунного света.

Часть I. Врата памяти

Колодец Сан-Дамазо

Вода помнит всё. Даже то, что церковь приказала забыть

Внутренний двор Сан-Дамазо пуст по ночам. Только колодец посредине — чёрный зрачок, в который Ватикан боится смотреть. Я пришёл сюда, потому что монсеньор сказал: «Не ходи туда. Там вода пахнет не святостью».

Естественно, я пошёл.

На камне колодца выцарапано: «Брось монету — узнаешь правду». Я бросил евро. Он не звякнул. Вместо этого из глубины поднялся шёпот — тысячи голосов, слитых в один:

— Смотри.

Вода засветилась. Я увидел монахов в чёрных доминиканских рясах. Они тащили женщину — нет, не ведьму. Она прижимала к груди свиток. Евангелие от Марии, понял я. Текст, где Иисус целует её в лоб, а апостолы завидуют.

— Сжигаем книги, — прошептал колодец, — но женщины горят ярче. Так спокойнее.

Монахи сбросили её в воду. Она не закричала. Только улыбнулась, будто знала, что через тысячу лет какой-то дурак с евро в руке увидит это.

Я отшатнулся. Монета выпала из пальцев, и колодец сказал уже другим голосом, почти деловитым:

— Кстати, твои евро — тот же металл, что и тридцать сребреников. Папский монетный двор переплавлял их веками. Но правду не переплавишь.

Я хотел бежать, но ноги приросли к камню. Колодец засмеялся:

— Не бойся. Ты не первый, кто узнал. Но последний, кто выйдет отсюда с памятью.

Вода плеснула мне в лицо. Вкус — соль и мёд.

Утром я проснулся на скамейке во дворе. В кармане лежала мокрая монета с профилем женщины. Не папы римского. Её. Я не знаю, как её зовут. Но каждую ночь я прихожу к колодцу — слушать, как вода рассказывает истории, которых нет ни в одной библиотеке Ватикана.

Их очень много. И все они правдивые.

—

Тишина перед Credo

Орган помнит каждую ошибку. А некоторые ошибки — помнят орган

В базилике Святого Петра есть нота, которой нет в партитуре. Органист Маттео заметил её через год службы, когда пальцы сами, без его воли, нажали клавишу на полтона ниже. Звук не вписался в «Et incarnatus est», но никто в зале не вздрогнул. Только одна пожилая женщина на первой скамье заплакала тише, чем обычно плачут люди.

Ночью Маттео вернулся. Он сыграл ту ноту снова, в пустоте, где даже эхо не решается задерживаться. И увидел.

В алтарной апсиде стоял человек. Не в терновом венце, не с кошельком серебра — просто в выцветшей рубашке и с бумажным стаканчиком, из которого шёл пар.

— Кофе, — сказал Иуда. — В автомате на площади варят сносный. Уже тысячу лет пью.

Он говорил тихо, как человек, который привык, что его никто не слушает. Или слушают слишком внимательно.

— Я не хотел предавать, — добавил он, глядя на клавиши. — Хотел вернуть деньги. Но у него уже был сценарий. А я застрял здесь, в этой фальшивой ноте. Воплощение моё — без благодати. Только аккорд, который никто не играет.

Маттео сел за орган. Он писал мессу всю ночь — ту, где Иуда не вешается, а просто уходит, не попросившись. Где предательство — это не удар ножом, а мягкое, как персик, непонимание того, что любовь не терпит торга.

Комиссия из Ватикана прибыла наутро. Кардинал долго слушал, потом сказал: «Диссонансы подрывают догмат. Уберите их».

— Но он всё ещё здесь, — ответил Маттео.

Кардинал не понял. Или понял, но улыбнулся той улыбкой, какой разменивают чудо на покой.

Последний аккорд сыграл не Маттео. Клавиша опустилась сама, и в базилике стало тихо. Тише, чем даже перед Credo, когда все молчат и ждут, что сейчас начнётся вера.

Иуда исчез. На его месте на скамье лежали тридцать евро. Обычных, с монетным двором Рима.

Маттео забрал их и положил в кружку для пожертвований. С тех пор в органе нет фальшивых нот. Но каждое «Et incarnatus est» звучит грустнее, чем прежде.

—

Смотритель костей великанов

Они спали ещё до того, как Адам дал имена зверям. И до сих пор спят. Только сон их тяжёл, и кости ворочаются, ища выход на волю

Под Ватиканом есть уровень, которого не касались архитекторы. Туда ведёт шахта, пробитая не людьми, а временем, когда земля была молодой и мягкой, как воск. Я, старый шахтёр из Силезии, помню, как гора засыпала мой забой. Троих не откопали. Меня вытащили через три дня — с тех пор я не боюсь темноты.

Здесь лежат кости нефилимов. Они не окаменели. Они до сих пор тёплые и растут — медленно, как сталактиты в пещере, куда никогда не проникает солнце. Каждые сто лет я беру пилу, смазанную святой водой, и спиливаю лишнее. Иначе они пробьют своды. И тогда... Никто не знает, что тогда.

Кости освещены не лампами. Свет исходит от них самих: тускло-красный, как угли под золой. В этом свете даже собственная ладонь кажется чужой. Иногда я слышу их дыхание — низкое, грудное, похожее на работу вентилятора в километре под землёй. Это не страшно. Это напоминает, что я сам когда-то был большим.

В прошлую пятницу я нашёл в нише свиток. Латынь XVII века, чернила выцвели, но читалось: «Когда придёт время, не мешайте им ворочаться. Они выведут нас из-под купола».

Я думал три дня. Долше, чем над любым решением в жизни.

Этой ночью я отключил пилы. Свет погас, и кости сами затуманились, задышали чаще. Я сел на старый ящик. Ноги уже не те, чтобы стоять в присутствии тех, кто старше богов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.